

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П70

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Оформление серии — *Екатерина Петрова*

Внутреннее оформление — *Ирина Гришина*

Праха, Вячеслав.

П70 Храм мотыльков : [роман] / Вячеслав Праха. —
Москва : Издательство АСТ, 2020. — 256 с.

ISBN 978-5-17-122217-8

Доктор Браун, психиатр с двенадцатилетним стажем, приезжает в психиатрическую клинику, чтобы получить должность главного врача. Однако по приезду он понимает, что действующий главврач не готов уступить свое место просто так. И доктор Браун вступает в опасную игру с единственным условием — установить личность пациента, о котором не известно ничего...

Психологическая драма Вячеслава Праха — это паутина загадок, интриг и тайн, умело переплетенных между собой. И когда вам начинает казаться, что все уже понятно, будьте уверены — вы попали в ловушку.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122217-8

© Праха В., 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава первая

— Он называет себя Ричардом Ло. Не совсем уверен, что это его настоящее имя. Впрочем, вам придется самому это выяснить, доктор.

— Это все, что вы мне можете сообщить о моем пациенте?

Фредерик Браун, психиатр с двенадцатилетним стажем, улыбнулся миниатюрному человеку в очках, своему пожилому коллеге, смотревшему на него с неподдельным любопытством. За толстыми стеклами очков можно было рассмотреть насмешку в маленьких хитрых глазах.

— Он заявляет, что владеет гипнозом, и я бы не советовал вам, уважаемый доктор, снимать повязку с его глаз.

— Хорошо, — ответил человек, которому были не слишком интересны особенности его нового пациента, можно даже сказать — подо-

печного и будущего друга. В этом заключался метод Брауна — становиться другом для своих пациентов.

Фредерик взял пустую историю болезни Ричарда Ло, попрощался со своим низкорослым коллегой, психиатром Стенли, и отправился в палату, находившуюся на последнем этаже четырехэтажного здания, которое люди не привыкли посещать по своей воле.

— Посмотрим, — пробормотал себе под нос специалист в области познания и изучения человеческой души. Доктор Браун был уверен в себе, как и всегда. Особую радость ему доставляло знакомиться со своими пациентами, раскрывать их, как закрытую тонкую тетрадь, и вносить в их размеренную, удивительную жизнь свой собственный почерк. Ему казалось, что он подобен Богу, когда в его руках оказывалась хрустальная человеческая судьба, которая не способна была ему противостоять. Да и есть ли особый смысл в противостоянии со стороны его нового увлечения, его новой куклы, жертвы, которая зацепила липкую прядь и угодила в его паутину? Есть ли смысл в сопротивлении жалкой мухи, когда в роли ее противника выступает паук? Нет, конечно, доктор Браун не видел в отражении зеркала паука, ведь он был человеком науки, заложником

душевных болезней своих открытых тетрадей. Никогда мужчина, направлявшийся к одиночной палате, расположенной прямо у зеленой деревянной лестницы, по которой он поднимался, с которой можно было запросто прыгнуть головой вниз и разбить вдребезги хрусталь тела, жертва психических расстройств своих больных, не признавал себя хищником. Лишь добычей, которую можно засунуть в горло зверю, но невозможно проглотить. Высокий, статный, Фредерик Браун был подобен хирургу, для которого человеческое тело — это его органы и их жизнедеятельность. Но в отличие от вышеупомянутого специалиста его еще интересовала душа, из которой было не так просто отсечь все лишнее... Доктор Браун, тридцатидевятилетний мужчина с военным прошлым и небольшой залысиной на затылке, которую он пытался так усердно скрывать изо дня в день, зачесывая свои волосы назад, знак человеческой сущности — поэт, не иначе, знал, что главный инструмент в его работе — это не аппарат электроконвульсивной терапии (ЭКТ), а всего-навсего — губы, вернее, слова. Только словом можно исцелить неизлечимое — так думал он на протяжении уже двух десятков лет. И чаще всего ему это удавалось.

* * *

— Здравствуйте, Ричард, — громко сказал вошедший в комнату доктор и на мгновение застыл на месте, чтобы внимательнее рассмотреть сгорбленное подобие человека, сидевшее в самом конце палаты у стены.

— Добрый вечер, доктор, — прозвучало с полным безразличием в ответ.

— Позвольте мне у вас спросить, — осторожно сказал Фредерик, подходя ближе к жалкому существу в плотно завязанной смирительной рубашке с темной повязкой на глазах. Недалеко от Ричарда Ло стоял стул.

— Спрашивайте, — ответил мужчина лет сорока — сорока трех, судя по состоянию кожи шеи и морщинистому лбу. В истории болезни не был указан его возраст.

Исследователь подошел к свободному деревянному стулу, стоявшему в середине комнаты, и присел на него.

— Откуда вы узнали, что сейчас вечер? В вашей комнате нет окна, а если бы и было, то вряд ли бы вам удалось в него заглянуть.

— Хорошее замечание, доктор, я думал, вы пропустите мимо ушей. В моей комнате нет окна.. — улыбнулся Ричард Ло. — Вы заблуждаетесь, человек, разговаривающий со мной

любезно! Вы заблуждаетесь еще сильнее, если думаете, что я не могу в это окно посмотреть.

— Я был бы вам признателен, Ричард, — аккуратно продолжал доктор Браун, который всей душой хотел помочь своему собеседнику, вылечить его и навсегда оставить в пыльном прошлом; утаить в самом укромном уголке себя — не человека, Ричарда Ло, которого он однажды вылечил, не такую банальность, как его недуг, а себя, победившего в тысячный раз, победившего неподдающееся, излечившего неизлечимое, пронесшего свет через тьму и зажегшего этот свет во тьме! Но на данном этапе лечения Фредерик хотел своего пациента всего-навсего открыть. История болезни — это еще не сам пациент. Не его прошлое. Не его демоны.

— Можно вас называть Ричардом?

— Как вам будет угодно, доктор. Вы здесь — главный.

— Хорошо. Я был бы вам благодарен, Ричард, если бы вы рассказали мне о том, как отличаете день от вечера. А утро — от ночи. Или ваше заявление о том, что сейчас вечер, — это был выстрел наугад?

Доктору показалось, что на лице его пациента бегло проскочила эмоция, но из-за повязки Браун не смог ее считать, лишь предположил, что это было удивление.

— Что значит — выстрел наугад, доктор? Я бы хотел, чтобы вы представились. Мне очень неудобно разговаривать с человеком, имени которого я не знаю.

— Меня зовут Фредерик Браун. Я — тот, кто вам может помочь. Собственно, потому я и здесь, как вам уже известно. Вы удовлетворены, Ричард? Если да, то прошу вас ответить на мой вопрос.

— Я удовлетворен, доктор, — сказала сторбленная, обессиленная муха, которая уже дней сорок как перестала сопротивляться паутине, но еще не подохла. Фредерик не мог понять, за что с его собеседником так жестоко обошлись, лишив возможности ходить, ползать, шевелить руками, даже видеть, при всем этом в комнате было невыносимо душно. Сколько его уже не мыли — неделю, две?

— Я с радостью готов ответить на ваш вопрос, — продолжил Ричард Ло, — если вы помните мне, каков снег на ощупь. Я, к большому сожалению, лишен возможности его потрогать на данном этапе своей жизни. Насколько я знаю, сейчас за окном метель.

Доктор Фредерик секунду помолчал, а затем решил уступить пешку на шахматной доске.

— Я не знаю, каков снег на ощупь, Ричард, я его давно не трогал. Это имеет значение для вас?

И вправду, доктор Браун каждый зимний день слышал, как под подошвами его дорогих и теплых сапог хрустит сугроб, чувствовал, как ледяная снежинка залетает в то место, где шарф плохо прикрывает шею. Как белая ледяная консистенция, будучи когда-то самой обыкновенной водой, тает у него на носу и на ладонях, когда он снимает перчатки. Боже, какая ерунда. Кто о таком думает вообще?

— Имеет, — тут же ответил Ричард Ло. — Мы с вами не в одинаковом положении, доктор, но вы, как и я, лишены возможности потрогать снег.

Фредерик, глаза которого были полными тьмы, карими, улыбнулся про себя, но ничего не ответил. «Разве я лишен возможности потрогать снег? Нет, не лишен. Этой возможностью я пренебрегаю по собственному желанию, в отличие от вас!» Наступила небольшая пауза, а затем Ричард Ло, не услышав ничего от доктора Брауна, продолжил:

— Как я отличаю день от ночи? Это очень просто, и мне придется вас разочаровать, если вы имеете, конечно, фантазию, доктор, и ваше

воображение уже выдало невероятные версии на этот счет... Я спросил об этом у своего личного санитаря Гарри за несколько минут до вашего прихода. Он навещает меня куда чаще, чем Мессия навещал иудейский народ. Он приходит по несколько раз на дню, я его узнаю по его личному, неповторимому запаху. Знаете, такой аромат дешевого сильного одеколлона, которым пользовались еще наши деды в своей забытой молодости. Мы с Гарри иногда разговариваем, когда он приносит мне еду. Мы говорим с ним о многом..

— Например? — спокойно спросил доктор.

— Например, о том, что если бы у всех людей души были здоровыми, а сознание — абсолютно цельным, то вы бы лишились своего хлеба, доктор Браун. Ваш хлеб — сладкий или горький? Получаете ли вы истинное удовольствие, разговаривая с такими, как я?

— Я делаю свою работу, — спокойно и уверенно ответил ему Фредерик и перевел взгляд на свои часы. Была уже четверть девятого, ему, примерному семьянину и главе семьи, нужно было еще успеть забрать свою прелестную супругу и сына из театра.

— А я получаю наслаждение, доктор, общаясь с такими, как вы. Именно поэтому я и здесь.

— Вы пришли сюда по своей воле, Ричард? — спросил Браун просто так. Конечно же, сюда никто не приходит по своей воле. Судя по их беседе, доктор давно уже понял, что его новый друг не совсем еще потерял рассудок и даже обладает некими остатками ума, которые ему сохранили другие доктора, решившие не лечить своего странного гостя током.

— Да.

— Прошу прощения, — Фредерик не поверил своим ушам и совсем не был готов к такому повороту событий. — Правильно ли я понял, что вы пришли в психиатрическую лечебницу по своей воле?

— Верно.

— Почему?

Не то чтобы Фредерик поверил этому заявлению, но ему хотелось услышать эту удивительную историю самого искреннего на свете лгуна. Его, конечно же, предупредили бы, что Ричард Ло пришел сюда сам.

— Я пришел, потому что мне хотелось получить у вас работу, согласитесь, что общаться с людьми моего теперешнего ранга — неопишное наслаждение, а еще и полагать, что их можно вылечить, — верх всякого блаженства и самонадеянности. Но вместо того, чтобы

взять меня на самую скромную должность, скажем, хотя бы санитаром, как Гарри, меня приписали к больным. Не самый приятный поворот, правда, доктор? — ухмыльнулся Ричард Ло.

Фредерик не мог составить четкий портрет своего собеседника — он знал о нем слишком мало, практически ничего.

Ни один мускул на лице психиатра не дрогнул. Доктор не нашел в словах больного ничего забавного и решил перевести разговор в другое русло. Где нет лжи, а только факты и правда.

— В вашей истории болезни указано, что вы владеете гипнозом. Расскажите мне об этом.

— Снимите с меня повязку, доктор.

Эта странная просьба должна была быть проигнорирована специалистом в области исследования тюрем и плохо освещенных темниц, куда люди попадали против собственной воли, так как снять повязку с глаз того, кому надели эту повязку другие, зная о нем куда больше, было бы неуместно и даже опасно. Фредерик не мог позволить этому человеку взглянуть на комнату, плохо освещенную желтым тусклым светом, от которого быстро устают глаза, на деревянный стул, бетонный пол под ногами и небольшой деревянный столик,

на котором стояла ваза с искусственным цветком — тюльпаном с розовым бутонem. Он не мог позволить своему пациенту взглянуть на все это, а уж тем более — в собственные глаза. Доктору Брауну было известно о Ричарде Ло только то, что у него обнаружено острое психическое расстройство. Почему ему предоставили так мало информации?

— Что будет, если я сниму с вас повязку, Ричард? — спросил доктор прежним спокойным голосом.

— Я смогу доказать вам, что не болен.

— Так докажите мне это с повязкой, Ричард. Человеку, чтобы доказать, что он здоров, необязательно видеть тусклый свет этой комнаты или мои глаза.

— Вы ошибаетесь.

— Почему?

— Потому что у вас темные глаза, доктор. Потому что ваш неряшливо завязанный серебряный галстук слишком давит на мои глаза.

Фредерик затаил дыхание и услышал стук своего сердца. Не в ушах, а изнутри, словно из пустой коробки, раздавался грохот. Браун всем телом почувствовал, как взгляд сгорбленного человека обшаривает его со всех сторон. Или это доктору сейчас показалось, а на самом деле больному о цвете его глаз и галстукe рас-